

Глава 1

ДИКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

— «Как бы вы определили слово «дикий»? Перво-бытный, затем странный, причудливый. Нет, оно значит и кое-что еще. Скрытый намек на нечто страшное, даже трагическое».

Сергей Мещерский отложил томик Конан Дойла, из которого только что процитировал диалог Холмса с доктором Ватсоном. Взглянул на Катю, пожал плечами. «Дикий» — это словечко Катя повторила, наверное, уже раз десять. И в ее толковании, как и в толковании гениального сыщика с Бейкер-стрит, оно приобретало совершенно особенное значение.

Был душный июльский вечер. В Москве стояла редкая жара, столбик термометра даже в тени переваливал за тридцать. А здесь, в квартире Мещерского на Яузе, в комнате, вместо обоев обклеенной географическими картами, надсаживался из последних сил старенький кондиционер.

Еще утром, собираясь на работу, Вадим Кравченко задумчиво намекнул Кате, что очень неплохо было бы навестить вечерком Серегу. Мещерский с некоторых пор пребывал в похоронном настроении. И тому, как догадывалась умная Катя, было несколько причин.

Во-первых, дела в турфирме «Столичный географический клуб», в которой вот уже сколько лет работал Мещерский, шли в связи с кризисом из рук вон плохо. Во-вторых, у него вот уж неделю ныл коренной зуб, который он из чисто детского ужаса перед

зубным врачом наотрез отказывался лечить. А в-третьих, у Сереги щемило сердце.

Катя знала источник этой сердечной боли. Все началось с той их с Вадькой поездки в Сортавалу, где Мещерский, как выражался Кравченко, «жестоко врезался в одну гражданку и утратил последние иллюзии». Женщина было много, много старше Мещерского. Она была талантлива и знаменита. И она умерла. С тех пор прошло уже более года. Но каждый раз, когда Мещерский слышал ее голос по радио — она была оперной певицей, — он становился похож на человека, которого переехал катафалк.

Очередной приступ острой Серegiной хандры Кравченко предложил лечить «по-нашему, по-бразильски»: вместе с Катей он привез другу в утешение пива, мороженых креветок и пакет страшненькой сушеной рыбки, которую они с Мещерским отчего-то называли «живопырка».

Подливая приятелю пива, Кравченко терпеливо ждал, когда же у того, несмотря на ноющие зуб и сердце, просветлеет душа. Катя же... Они оба сразу заметили: несмотря на весь ее участливый, заботливый тон, она где-то очень далеко. О чем-то думает. И хоть молчит (что крайне на нее не похоже), но вся так и лучится любопытством, азартом, досадой и...

— Дикость какая, надо же!

Она произнесла это, обращаясь к пестрой карте Африки на стене, и повторила:

— Нет, ну надо же, какая дикость...

Приятели переглянулись, и Мещерский, пересиливая себя, робко спросил:

— Ну, что нового на работе, Катюш?

За Катю ответил Кравченко: мол, извела меня жена, совсем источила, как ржа железо. А все от скуки, потому что вот уже месяц вымучивает из себя для ученого юридического журнала статью о результатах исследований, проводимых на базе Академии МВД, о

проблемах виктимного поведения потерпевших в случаях... Короче — со скуки удавиться.

— Ребята, я потеряла день, — перебила его Катя, — пока я копаюсь в библиотеке, у нас такие дикие вещи творятся!

Мещерский вздохнул: Катя в своем амплуа. Дикие происшествия в Подмосковье. Аршинный газетный заголовок. Он хотел было горько усмехнуться, но тут встретился с ней взглядом.

— Не сиди как сыч, — сказала она, — и хватит столько дуть холодного пива. Вот раздует флюс — узнаешь. — Она жалостливо погладила щеку Мещерского. — Я же говорила вам: дикие вещи, просто ужас!

Вот тут-то Мещерский встал и отошел к книжному шкафу. Слова великого сыщика с Бейкер-стрит, памятные с самого детства, были тут как нельзя более уместны. Кате цитата понравилась. Потому что отражала суть случившегося.

Из трех весьма необычных происшествий истекших суток больше всего, конечно, Катю насторожило и встревожило сообщение о кладбище. Да, такого она что-то не припомнит. Кажется, прежде такого в Подмосковье не случалось. И надо же, какое совпадение, что все это: и «дикое происшествие» на Нижне-Мячниковском кладбище, и убийство на двадцать третьем километре, и странный, почти фарсовый случай в Стрельне — произошло в одни и те же сутки с интервалом в несколько часов. Вот и ломай теперь голову, куда завтра помчаться ей, сотруднице Пресс-центра областного ГУВД, с чего начать, чтобы, не дай бог, не упустить что интересное. Впрочем, летом всегда так — то тоска зеленая, ни одного серьезного, стоящего дела, одна бытовуха, а то вдруг — ба-бах!

— Сережка, представляешь... а, да ты не представляешь ничего... Послушай... В Стрельне, это за МКАД, у Мытищ, где оптовая ярмарка знаменитая, ее все по телевизору рекламируют... знаешь, кто там, оказывается, водится? — выпалила Катя.

- Призрак обманутого потребителя?
- Я серьезно! Там водятся львы!
- Ты это серьезно, Катюша?

Кравченко, слушавший этот диалог, собрал пустые стаканы, бутылки и понес на кухню, отчего-то при этом пританцовывая некое подобие неуклюжей ламбады. «Дурачки, — подумала Катя, следя за его выкрутасами и за ласково-грустно-снисходительно улыбающимся ей Мещерским, — боже, какие же дурачки!»

— Я сегодня в сводке происшествий прочла о случае нападения льва на человека. Произошло это в Стрельне, на территории оптовой ярмарки. Туда и милицию, и «Скорую» вызывали. К счастью, все обошлось, человек не пострадал.

— В Стрельне под Мытищами? Ты что... разыгрываешь меня?

— Ну, боже ты мой, — довольная Катя следила за собеседником. — В сводочке черненьким по белому в разделе «Несчастные случаи». Там цирк-шапито, Сереженька. Передвижной цирк с июня представления дает. Полная программа, даже львы, как видишь, имеются, чтобы их укрощать. Вот и получилось, что алая кровь едва-едва не обагрила арену амфитеатра.

— Черт знает что такое, — Мещерский заворочался в кресле, — цирк... А как же человек попал...

— Никаких подробностей, увы, пока не знаю. Я же русским языком жалуюсь тебе: я со всей этой своей процессуально-правовой тягомотиной потеряла такой день! День, полный блестящих событий. И лев — это еще не все. Там же, в Стрельне, точнее, на въезде в нее, на двадцать третьем километре, произошло убийство. Туда весь наш убойный отдел выехал. А все другие уехали знаешь куда?

— А кого убили?

— Понятия не имею. В сводке черненьким по белому: обнаружен полуобгоревший труп неизвестного в полуобгоревшей же иномарке на обочине шоссе.

Причина смерти, по предварительным данным, — огнестрельное ранение в голову.

— Пошлая разборка, — с порога поставил диагноз Кравченко. — Братки ареал обитания делят.

Катя только фыркнула на него:

— Я, я рассказываю! Не ты. Заглохни. Дикость: труп как головешка. Вот радость-то нашим такой ужас осматривать. Но и это опять же еще не все. Я до самого главного еще не добралась.

— Серега, пивка? — Кравченко откупорил бутылку.

— Спасибо.

Кравченко хмыкнул: то ли «Балтика»-«девятка» виновата, то ли Катькины страшилки, но Серега понемножку оттаивает. С несчастным влюбленным надо как с беззубым младенцем: плачет карапуз, горюет — мигом отвлеки его внимание. Тут любая погремущка сгодится, любой прибабас, не то что страшные-страшные сказки.

— Катьке больше не наливай, — сказал он. — Ладно, про дикость мы слыхали, что еще?

— На Нижне-Мячниковском кладбище осквернение могилы. — Катя брезгливо поежилась. — В сводке крайне скупо, мало информации. Я в Стрельненский ОВД звонила, у них там с этим убийством головы квадратные, но все равно — даже дежурный в шоке: дикие подробности, говорит! Даже по телефону сообщить отказался. Сказал только — свежая могила кем-то разрыта. Вчера похороны были, женщину хоронили. А ночью ее кто-то вырыл и...

— И? — Но тут Кравченко наткнулся на Катин взгляд, и ему отчего-то враз расхотелось балагурить. — И что?

— Кошмар, вот что. Там еще до сих пор осмотр места происшествия идет. Кладбище оцепили. Никого не пускают. Мне дежурный сказал: мрак кромешный. Наяву такое и представить трудно.

Глава 2

«ГАРЬ»

То, что это место происшествия окажется таким блевотным, начальник отдела убийств Никита Колосов не ожидал. Знал бы, что предстоит, нипочем бы не поехал в новом костюме. Нагишом бы, как Робинзон, отправился.

С костюмом отдельная история. Не то чтобы Колосов наряжался только по великим праздникам, а... Короче, из министерства в главк нагрянула строгая проверочная комиссия. А после выполнения разных скучных профессиональных формальностей по древнему русскому обычаю дорогих, хоть и незваных гостей нужно было угостить чем бог послал. И как ни парадоксально, но при всей его катастрофической занятости, что, как безжалостный рок, преследовала начальника отдела убийств, заставляя его буквально гореть на работе и все откладывать и откладывать сладкие помыслы о личном счастье, организатором таких вот «отходняков» для проверяющих выпадало быть именно ему. Разгадка была проста: всем был прекрасно известен талант начальника отдела убийств: когда требовали интересы дела, Колосов был в состоянии перепить не только любого отдельно взятого члена проверочной инстанции, но и всю эту инстанцию в полном составе.

Так случилось и на этот раз. Банкет на природе затянулся до поздней ночи. А напоследок Колосову, как самому трезвому, еще выпала нелегкая доля развозить гостей по домам. Последнего пришлось транспортировать аж в Щербинку уже в третьем часу утра. После таких вояжей ехать домой уже не было смысла. И Колосов, как был в парадном костюме, с легким кружением в голове и радужными искрами в глазах прибыл на работу, в родной кабинет в Никитском переулке. Там за несколько минут до начала утренне-

го развода его и застал звонок дежурного: убийство на двадцать третьем километре.

Но в то, что на этом чертовом двадцать третьем его ждет еще и то, что в милиции называют «гарью», Колосов поначалу как-то не врубился. А когда врубился, уже не мог отделаться от настойчивой мысли, что во всей этой открывшейся его взору черной удушливой «гари» что-то не так.

Сейчас, стоя в анатомическом зале морга Нижне-Мячниковской районной больницы (это была дощатая пристройка, более напоминающая большую строительную бытовку, чем такое скорбное заведение, как морг), Колосов в который раз уж пытался восстановить в памяти то, что увидел там, на двадцать третьем километре объездного шоссе, ведущего в подмосковную Стрельню.

Местечко было гиблым. Подозрительно гиблым: узкая, пробитая в пожухлой от солнца траве колея с магистрального шоссе огибала пологий холм, поросший колючками и дремучим кустарником. Колея вела к затхлому пруду с черной водой. Автомобильную эту тропу проторили, видимо, грузовики. Водители, особенно дальних рейсов, черпали из пруда воду, охлаждали перегревшиеся моторы и мыли машины перед въездом в столицу.

Но на этот раз за кустами стоял не грузовик, а легковушка, точнее, то, что когда-то ею было. И даже более — иномаркой. Вокруг нее суетилось немало народа: пожарные, сотрудники ГИБДД (их патруль и обнаружил «гарь» в 6.15 утра по поднимавшемуся над холмом столбу дыма) и целая туча любопытных зевак из припарковавшихся к обочине проезжих машин.

Огонь потушили быстро, зевак разогнали еще быстрее. В процессе тушения и обнаружилось, что в машине погибший... Колосов вспомнил, что ему с самого начала бросилось в глаза на этом месте происшествя: целехонький, почти не поврежденный кузов автомобиля. Это была красная «Ауди», как впослед-

ствии выяснилось — 1995 года выпуска. Неповрежденный кузов и... черный, обугленный салон. Причем обугленный тоже как-то необычно: словно наполовину. Заднее сиденье, например, пострадало гораздо меньше, чем переднее и приборная панель.

Очаг возгорания, как они сразу определили с экспертом, находился на переднем пассажирском сиденье. Сюда кто-то кучей навалил какую-то ветошь, резиновый коврик для ног, еще какое-то барахло, видимо, взятое из багажника. А также несколько веток. Вот это странное и на первый взгляд какое-то диковатое кострище и подождгли, воспользовавшись спичками (две обгорелые спички были обнаружены в траве и приобщены в качестве вещдока к делу) и скрученным из глянцевого эротического журнала самодельным факелом, обрывки которого тоже были обнаружены рядом с машиной у правого заднего колеса.

— В дыму, наверно, бедняга, задохнулся, — один из пожарных поделился своими соображениями с напарником. — Заложил за ворот, ну и выскочить не смог. Ну и сволочь же тут орудовала! Надо же, живьем человека в машине спалить!

Живьем... Это словечко тоже было из разряда гиблых. И подобных словечек Колосов терпеть не мог. Оно не несло в себе никакой полезной информации, одни лишь эмоции.

— Два пулевых ранения в голову, Никита Михайлович. Я предварительный визуальный осмотр провел. Кое-что есть интересное. Начнем? Или следователя будете ждать?

Голос судмедэксперта Грачкина. Настоящее имя его Евгений Евгеньевич, но иначе как «Женечка и Катюша» его в экспертно-криминалистическом управлении не зовут. Грачкин — толстый коротыш, у которого в жизни помимо любимой профессии есть еще две роковые страсти — молодая жена, которую он обожает и дико ревнует, и ранняя лысина, которую он ненавидит до судорог и от которой пытается

отделаться с помощью современных средств для рашения волос.

Прозвище «Женечка и Катюша» дано ему за неповторимую манеру общаться с женой по телефону. Ей, как всем известно, Грачкин звонит через каждые два часа, где бы он ни находился, даже на ЧП в чистом поле, пользуясь мобильным телефоном вышестоящего начальства. И беседа его всегда звучит примерно так: «Когда приеду? Скоро. Ну, я же сказал! Женечка сказал Катюше — скоро. И к маме твоей в воскресенье съездим. Почему это я забыл? Я помню. Женечка и Катюша куда поедут в воскресенье? На блины к тещ... я хотел сказать — к мамочке!»

Нынешний деловой и лаконичный тон Грачкина был непривычен уху. Колосову все казалось, что он вот-вот услышит: «Женечка и Катюша говорят: два пулевых тут у нас, ну, короче, две дырки в черепе».

— А почему прокуратура до сих пор не приехала? — спросил он эксперта.

— Ждем-с.

— Тогда давай пока без них.

— Пиджакними, Никита Михалыч. Изгваздаетсяшь. А красивый костюмчик. Стильный.

Колосов потянул пиджак с плеч. В этом костюме, да еще при галстукке он чувствовал себя как конь в новой сбруе. В костюмах, как, впрочем, и в форме, начальника отдела убийств в областном главке видели редко. Больше в джинсах и кожанке, более пригодной для черной оперативной работы.

Мертвец в полусгоревшей красной «Ауди» был своим видом схож... С чем? Прежде Никите казалось: смерть, это самое трагичное из всех трагических происшествий, должна, нет, просто обязана быть и жуткой, и отталкивающей, но при всем том обязательно пристойной. Потому что чувства жалости и сострадания, а главное, уважения и страха к смерти моментально улечиваются, если она, как, например, сейчас, выглядит крайне непристойно.

Перед ним был человек, точнее, нечто, похожее больше на полуобгорелый пень. На изуродованную огнем деревяшку, на останки Буратино-переростка, так глупо сунувшего нос в очаг, оказавшийся не нарисованным, а настоящим.

Колосов осмотрел останки. Наполовину человек — наполовину пепел. Никита заглянул в лицо этой головешке: подбородок, скулы — все обуглено. Дикий оскал-ухмылка, зубы проглядывали через прорехи полусоженной плоти.

На погибшем были белые фланелевые брюки и вишневая футболка. Это можно было определить по уцелевшим фрагментам ткани.

По фрагментам же кожи, не тронутой огнем, опознать погибшего было невозможно. Не то что милиция, родная мать никогда бы не признала в этом нечто какие-то знакомые, родимые черты. Пока эксперт-криминалист фотографировал выгоревший салон и труп, сидевший на водительском месте, Колосов бегло и вместе с тем тщательно осмотрел очаг возгорания: спекшийся под действием высокой температуры пластик, резина, искусственная кожа некогда удобных и мягких сидений, треснувшее и почерневшее от копоти зеркальце, закопченное лобовое стекло.

Он попытался вскрыть «бардачок», точнее, сгустки бесформенной пластмассы, которые от него остались, — головешка отвалилась, испачкав руки жирной сажей. Потом они вместе с экспертом вскрыли багажник — он оказался не заперт, — ничего интересного.

В пепле искали ключи от машины или их остатки, но они либо сгорели, либо же их не было... Эксперт старательно фотографировал номер, чудом пощаженный огнем. Что ж, есть зацепка проверить владельца по банку данных ГИБДД. Впрочем, на такие быстрые чудеса Колосов давно уже не надеялся. Если даже

владельца установят, это еще совсем не значит, что обугленный труп и он — одно и то же лицо.

Тело не вытаскивали и не перемещали до приезда следователя. Колосов, согнувшись в три погибели в тесном салоне, осматривал голову погибшего. Только наметанный глаз судмедэксперта Грачкина мог определить, что в эту черную головешку кем-то всажены пули. А что тут было, как, каким образом совершено убийство — на все эти вопросы до капитально проведенного вскрытия пока нет ответа. Колосов наклонился, стараясь различить входные пулевые отверстия. Вот так, наверное, и выглядят египетские мумии...

— С близкого расстояния стреляли, — обернулся он к Грачкину. — Почти в упор. Хотя сам видишь, какой у нас тут материал для исследований.

Грачкин покачал головой, словно упрекая потерпевшего в том, что он предстанет на судмедэкспертизу не в должном виде.

Колосов наклонился еще ниже, в горле запершило от едкого смрада. Да уж, неопознанный труп этот, если не повезет, как камень повиснет на отделе убийств. Если с номером «Ауди» сразу ничего не выгорит — это не что иное, как классический «глухарь», причем как раз накануне подведения итогов работы за квартал. А в результате проклятая статистика ухнет коту под хвост.

— Женя, ну-ка погоди. Ты с этой стороны его осмотрел? — Колосов осторожно, стараясь превозмочь душившую его тошноту, пытался развернуть к себе тело. — А дверь со стороны водителя пробовали открыть?

— Если только автогенном. Спасателей вызывать. Заклинило ее.

— Ну, мы и без спасателей обойдемся. Посмотри-ка...

Левая рука мертвеца, как и правая, тоже пострадала от огня, но... Колосову казалось, у него под паль-

цами мертвая сухая глина. Он осмотрел кисть — пальцы скрючены, словно мертвец в последнее мгновение жизни цеплялся за воздух. Кожа в багровых лишаих ожогов и копоты.

— Помоги разжать ему пальцы.

Грачкин более не задавал вопросов.

— Ну, хвала аллаху, — сказал он через несколько секунд. — На мизинце и безымянном ожогов нет. Пригодны для идентификации. Видимо, когда после выстрела он сполз вниз, рука попала в щель между сиденьем и дверью и огонь до нее не добрался.

Мигом откатали пальцы прямо тут, на месте. Однако материал был такой ненадежный, что эксперт решил подстраховаться и дополнительно занялся отпечатками, когда тело перевезли уже в морг Нижне-Мячниковской больницы. Вскрытие назначили на половину второго. И все оставшееся время Колосов провел на двадцать третьем километре, осматривая участок шоссе, колею в траве, холм и берега пруда.

Чудно было как-то, что такая красная, такая крутая и дорогая машина могла оказаться среди ночи в такой затхлой дыре. Никита пытался рассчитать по времени. И так, патруль заметил дым с дороги в 6.15 утра. По словам гаишников, когда они подъехали к месту, тачка уже полыхала. Но одно дело, если бы на нее плеснули бензином — тогда возгорание было бы делом одной минуты. Однако при осмотре в салоне следов бензина или каких-то иных горючих веществ обнаружено не было. Правда, это их с Грачкиным предварительное предположение, окончательно все разъяснит пожарно-техническая экспертиза, но...

Да не обливали этого типа бензином из канистры! А она, наполовину полная, как раз и имелась в не тронутом огнем багажнике — это факт. Колосов следил за точными и неторопливыми движениями судмедэксперта. И во время вскрытия на коже не выявлено следов бензина. Странный самодельный костерок сложили на переднем пассажирском сиденье...

Кто же это сделал? Что там было? Обугленные ветки, обрывки ветоши и... этот чертов резиновый коврик, он все еще тлел, смердел. Его даже раза два водой поливали. Резина горит тяжело, неспешно. Значит, между моментом, когда машину подожгли таким вот «неэкономичным» способом, и временем, когда патруль увидел клубы дыма из-за холма, могло пройти...

— Точное время смерти, судя по тому, что мы этокое вот жаркое имеем... — Грачкин осуждающе вздохнул, кивая на тело на оцинкованном столе. — В общем, ничего точно я тебе не скажу. И путать даже вас не хочу своими догадками. Может, пожарные что подскажут, рассчитают время возможного загорания. Я же перехожу к тому, что очевидно. Итак, труп мужчины, приблизительно 35—40 лет. Сильное обгорание тканей, особенно пострадали ноги, тазобедренный, правая сторона туловища, лицевой и шейный отделы. Однако все эти повреждения от действия высокой температуры носят не прижизненный, а посмертный характер. На что указывает состояние внутренних органов и дыхательных путей. Причиной же смерти явились два огнестрельных ранения черепа. Повреждены правая височная доля с раздроблением кости и челюстной отдел. Причем оба ранения, как височное, так и челюстное, — слепые.

Колосов следил за Грачкиным. Сейчас патологоанатом напоминал скульптора, обхаживающего драгоценный мрамор, — извлечение пуль при слепых ранениях — дело виртуозное. Итак, длина раневого канала... наличие на коже следов пороховых газов...

— Так в упор стреляли-то? — спросил Колосов, когда Грачкин вооружился хирургическим зондом.

— С очень близкого расстояния. Стрелявший либо сидел рядом с потерпевшим в машине на пассажирском сиденье, либо стоял рядом с правой стороны. А вот и пуля. Любуйся.

Колосов рассматривал пулю, выложенную на белый фаянсовый лоточек. Через несколько минут к

ней присоединилась и вторая, извлеченная Грачкиным из другой раны.

— Я, конечно, не спец в вашей баллистике, — Грачкин хмурил светлые брови, — но...

Колосов осторожно взял осклизлый бесформенный комочек. Сплющенная пуля. Странная какая форма. Похоже, вроде от «ТТ», но...

— Упакуй, пожалуйста, я сам в экспертное управление отвезу, — попросил он. — Больше, Евгений, ничего мне сказать не желаешь?

— А что? Сам видишь. Расстреляли его, как мишень в тире. Умер он почти мгновенно от ранения в висок. Второй выстрел, видимо, был контрольным. Ну, тут рука малость дрогнула, пуля в челюсти застряла. Потом для сокрытия улик машину подожгли при помощи, так сказать, подручных средств. Все оплавилось — там же сплошной пластик, хреновина. Ни одного дельного отпечатка с этой «гари» так и не изъяли. — Грачкин прошел к раковине и начал мыть руки, обтянутые резиновыми перчатками. — С кем он к этому пруду поперся-то? И главное — зачем?

Да, это был, конечно, интересный вопрос. Колосов хмыкнул. Зачем неустановленный потерпевший съехал с оживленной магистрали в укромное местечко? И когда это произошло? Ночью? Или уже под утро? Колосов еще раз осмотрел распластанное на столе тело — невидимка-потерпевший, прячущийся под этой черной обугленной маской. Невидимка и его убийца...

Что понесло его к пруду? По великой надобности? Так отчего машину не оставил на обочине? Боялся, что угонят? А может быть, у того типа из «Ауди» была с кем-то назначена там встреча? Но почему в таком поганом месте, ночью? К тому же следов присутствия у пруда какой-то другой машины не выявлено. Никита вспомнил, как он сам чуть ли не десять раз обыскал все вокруг. Только следы протекторов грузового транспорта, но недельной давности, а то и больше.

Быть может, тот, с кем была назначена встреча, пришел к пруду пешком? Или проще — приехал на машине, оставил ее на дороге, а сам прогулялся за кусты? Или же еще проще — приехал вместе с потерпевшим в одной машине? Но зачем их понесло ночью к этой яме с водой, загаженной грязью и бензином?

— Ну, бог в помощь, Никита. — Грачкин потянул с рук чисто вымытые перчатки. — Костюм-то теперь тебе в химчистку придется отдавать. Пиджак еще ничего, но брюки... Вот ведь жалость какая.

Колосов глянул на свои бежевые парадные брюки. Следы черной жирной копоти — как пятна на жирафе. Грачкин вышел в стеклянный предбанничек и тут же моментально метнулся к телефону. «Катюша... но я же сказал... Звоню-звоню, а ты что ж, к телефону демонстративно не подходишь?» — донеслось через минуту до Колосова. Он вздохнул: дело с самого начала поворачивалось той самой паскудной стороной, которую он терпеть не мог, — научной. Никаких активных действий, никакого розыскного ажиотажа по горячим следам. Сиди и жди, когда придут из ЭКУ результаты дактилоскопической экспертизы, пожарно-технической, баллистической, химико-технологической, экспертизы горюче-смазочных веществ и... Чтоб их всех черти разорвали!

Колосову смерть как было жаль новые брюки.

Глава 3

ИЗЮМИНКА?

Все как-то подернулось серой пылью. Грешно, конечно, с такими мыслями начинать новый рабочий день, да что делать-то?

Политика, политика, политика. Что же дальше-то будет? А по части неполитических новостей... Катя с тоской оторвала взгляд от телевизора, где только что

окончился информационный выпуск, увидела свой стол, заваленный подшивками газет. Тут же коротал время увесистый том сводок происшествий. Сколько же всякой информации! Но — хоть разорвись — писать абсолютно не о чем.

Всем — редакторам газет, издателям сборников и журналов — с некоторых пор требуется не просто «жуткое» сенсационное преступление, а еще и с какой-то... изюминкой. Эта самая изюминка уже начала сниться Кате в виде огромного черного яйца, которое снесла гигантская курочка Ряба.

Самое-то главное, все эти ужасные газетчики сами толком не знали, что им подойдет. «Многие темы уже набили читателю оскомину. Потеряли актуальность, приелись. Необходим принципиально новый подход к концепции подачи криминальной хроники». Катя слыхала подобные рассуждения уже сотни раз.

«Ну подумаешь, велика новость — в поселке Старая Ситня после совместного употребления спиртных напитков муж, приревновав жену к соседу, нанес ей сорок девять ран кухонным ножом, — заявил как-то Кате редактор субботней полосы криминальных новостей из «Вестника Подмосковья». — Ну кого нынче удивишь пьяной оргией? Ревность, вспыхнувшая в парах дешевой водки... Нет, все это пошло, пошло, Катюша. И надоело читателю хуже горькой редьки. Читателю знаешь что хочется? Большой и чистой любви. Понимаешь? Эдаких шекспировских страстей, а не этого вот деревенского позорища».

Катя тогда промолчала: к чему разубеждать журналиста, который считает, что он прав? Просто редактор криминальной полосы не видел того, что произошло в Старой Ситне. В той квартире, в крохотной облезлой кухне с ржавой раковиной, с кишачими по всем углам рыжими тараканами, где муж из ревности резал жену, все стены, весь пол и даже потолок («частичные обильные потеки» — было сказано в протоко-

ле осмотра) были красными от крови. А женщина, несмотря на все свои сорок девять ножевых ран, восемь из которых были проникающими в брюшную полость, была еще жива, когда ее на «Скорой» везли в больницу. Как говорили Кате врачи — все просила, умоляла, чтобы не трогали мужа-убийцу: «Я одна во всем виновата. Он не хотел... Он любит меня».

Катя отодвинула газеты в сторону, присела на краешек стола. Значит, надоела читателю пошлость и хочется «большой и чистой любви». А ту женщину, кстати сказать, не спасли. Она умерла в лифте, когда ее везли в операционную. Врачи вообще удивлялись, как она еще так долго продержалась при такой кровопотере. «Видимо, алкоголь способствовал, — сказал Кате дежурный хирург, — она же пьяная была в дупель. А пьяным, как известно, — море по колено».

Затрезвонил телефон. Звонил редактор еженедельника «Закон и правопорядок». «Чем нас порадуете, Екатерина Сергеевна? Вы, помнится, обещали. Что-то подыщите? Желательно, что-нибудь не совсем обычное, с этакой изюминкой. Читатель это любит. Итак, я жду для следующего номера».

«Ах ты боже мой, — подумала Катя. — Вот наказание-то...»

Несмотря на утренний час, в кабинете пресс-центра было жарко и душно. За окном — яркое до слез солнце, которому безумно рад один лишь сохлый кактус на подоконнике. Катя начала долгое и упорное сражение со створками окна, те никак не желали распахиваться настежь. Внизу к подъезду ГУВД одна за другой подъезжали, отъезжали машины. От милицеских мигалок рябило в глазах. Вот от здания Зоологического музея, что находился напротив, отъехала пыльная черная «девятка». Кате эта машина была знакома. Никита Колосов, которого она не видела лет, наверное, сто, убывал куда-то в неизвестном направлении. Она бегло просмотрела последнюю сводку. Нет, но-

вых ЧП в области не произошло. Значит, Колосов куда-то отправился по старым делам.

Все куда-то едут, все чем-то заняты, все живут полной жизнью, а ты сиди, глотая пыль старых подшивков, чихай и пялься в постылый компьютер. Нет, так нельзя! Катя резко оттолкнулась ладонями от нагретого солнцем подоконника. Баста! Берем себя в руки. А все Сережка Мещерский виноват! Ну кто сказал, что тоска — не заразная болезнь? Да хуже кори заразная! Вот пообщалась вчера с опечаленным Серегой и...

Катя вспомнила глаза Мещерского — темные, темные, грустные-грустные. Он был, как всегда, вежлив, приветлив, но сам витал где-то... Бог весть где. Не с ними.

Катя снова обратилась к толстому тому сводок. Все, что у нас есть, — это три странных происшествия, случившиеся в один день. Как она вчера расписывала их Сереге, как пыталась все представить в интригующем свете! А сейчас... Боже, что за чушь. Ну, убийство на двадцать третьем километре, труп мужского пола в сгоревшей машине. Ну и что в этом происшествии загадочного? Где тут вожаки изюминка? Да жулик какой-нибудь, мошенник или браток. Правильно Вадька вчера сказал. Кокнули его скорее всего свои же урки-дружки, и, наверное, поделом. А для того чтобы замести следы, машину подожгли. Что, разве впервые такое в области происходит? Среди выезжавших в составе следственно-оперативной группы кто у нас? Ага, Колосов. Ну, оно и понятно. Начальник отдела убийств просто честно отработывает свой хлеб.

А второе происшествие и вообще смехота. Подумаешь, несчастный случай в цирке! Да рвань какая-нибудь, этот цирк бродячий. И лев, наверное, там — отошавший от голода беззубый рахитик. И вообще, это еще проверить надо, а было ли такое происшеств-

вие. Может, эти цирковые все нарочно для рекламы выдумали, с них станется.

А случай осквернения могилы на кладбище... Катя полезла в шкаф и достала подробный атлас Подмосковья. Где у нас это Нижне-Мячниковское кладбище в районе Стрельни? Так... Прискорбно, но она еще ни разу не бывала в этом районе области. Да и районто почти Москва. Стрельня — это огромная новостройка у самой МКАД, на границе столицы и области. Главная ее достопримечательность — ярмарка, оптовая или мелкооптовая, на которой, как люди говорят, все можно купить, даже... Короче — все, кроме Родины. Катя вспомнила глупый каламбур из рекламы и поморщилась. Ну, с точки зрения коммерции цирк-шапито выбрал неплохое место. Издревле ведь где ярмарки, там тьма народа, балаганы, карусели разные...

«Ты же кладбище хотела посмотреть!» — вернула сама себя Катя и трудолюбиво склонилась над атласом. Так, это чуть дальше от МКАД, почти на самой границе Мытищ. Старое, наверное, кладбище, вот и церковка тут крестиком обозначена. Взгляд Кати случайно упал на соседнюю страницу атласа — зеленые квадраты, желтая извилистая линия — объездное шоссе Москва — Стрельня, а вот и двадцать третий километр. Катя смотрела на карту: на бумаге все так близко, расстояние всего в несколько сантиметров. Нет, ну надо же все-таки, в один день, практически в одном и том же месте и происходят три таких непохожих друг на друга события!

Кате вспомнился взволнованный голос дежурного Стрельненского отдела: «Дикие подробности осквернения могилы...» Она быстренько прикинула, к кому бы можно было прямо сейчас обратиться за дополнительной информацией. О ЧП на кладбище знал весь главк. Но все либо прочли про это в сводке, либо слышали от кого-то. В Нижне-Мячниково выезжали местные сотрудники да бригада из областного ЭКУ.

Но экспертам, людям архизанятым, Катя, хоть и могла, звонить не стала. Они по рукам и ногам скованы рамками своих заключений. И опять же — снова звонить в Стрельню смысла нет. По телефону все равно ничего не добьешься. Ехать туда надо, мчаться на вороних. Ведь собираются же они как-то ловить этого, с кладбища? Но, с другой стороны, отчего все там так встревожены? Кажется, что убийство на двадцать третьем километре так не взволновало Стрельненский отдел, как эти ночные кладбищенские кошмары. Почему все местные «профи» говорят об этом сквозь зубы и чуть ли не с содроганием? И у нас тут тоже вон в сводке против Нижне-Мячникова жирным шрифтом грозное: «В прессу не давать!»

Катя посмотрела в окно — день-то какой хороший... Сейчас она не ощущала никакой жуткой и таинственной ауры, окружавшей это происшествие. А ведь вчера пыталась представить Кравченко и Мещерскому это событие в самых черных красках. Может быть, оттого, что до сих пор сама толком ничего не знала?

Кладбище, надо же... Гранитные памятники, кресты и ограды, тень старых тополей и лип, цветущий жасмин и белая сирень. С кладбища, помнится, прилетал в сказке соловей Андерсена, и принцесса рвала там жгучую крапиву, чтобы сплести рубашки братьям-лебедям. И потом, на кладбище всегда такая тишина, такой покой, такая ленивая безмятежность. Особенно в знойный полдень, когда на траве сеть солнечных пятен и никнут от жары в цветниках анютины глазки...

Катя на секунду зажмурилась. Лирика. Вот и отправляйся туда. Как раз завтра и поезжай. Но сначала загляни в местный отдел милиции. Она сверилась со справочником: увы, среди сотрудников Стрельненского ОВД она никого не знала. И Катя решила покинуть душный кабинет и спуститься в розыскной отдел, чтобы там всезнающие и дружелюбные сыщики сообщили бы ей, немного поломавшись для вида,

координаты верного человечка, который согласился бы терпеливо и подробно ответить на все ее любопытные репортерские «как» и «почему».

Глава 4

ПОСЛЕ ПОХОРОН

Однако в розыске ее встретили тишина и запертые двери кабинетов. Середина недели — время, когда все сотрудники разъезжаются по районам. Вот досада! Катя в нерешительности застыла посреди коридора, созерцая на спортивном стенде кубки и медали, выигранные УУР.

— Выпишите ему пропуск, пожалуйста. Федоров Илья Николаевич. У него паспорт должен быть с собой. Алло, тут меня прервали, свидетель в бюро пропусков ждет. Так вы говорите, характер повреждений, нанесенных трупу, свидетельствует о большой физической силе фигуранта? А чем он орудовал? Лопатой? Да неужели простой лопатой можно вот так...

Катя тихонько подошла к двери (первая от окна справа), неплотно прикрытой по случаю духоты. Ба, Андрей Воронов собственной персоной. А ведь он же в отпуске...

Воронов был самым молодым, но, по мнению Кати, самым толковым из молодых сотрудников УУР. Все свое свободное время он отдавал литературе. Сочинение стихов и героических баллад было для него даже не хобби, а способом существования. Баллады удавались ему особенно складно, в их персонажах легко было узнать товарищей Андрея по оружию. Стихи перекладывались на немудреную музыку и распевались под гитару в хорошей дружеской компании летними вечерами у костра.

Воронов никогда не упускал случая почитать свои стихи и Кате, мнение которой ценил. И от ее похвал,

на них она никогда не скупилась, его пухлое, еще совсем мальчишеское, но уже отмеченное печатью напускной профессиональной серьезности лицо светлело.

Сейчас, однако, ничего, кроме суровости и хмурой озабоченности, на этом лице не читалось. Увидев в дверях Катю, Воронов зажал трубку плечом, замахал рукой и начал ногой выдвигать стул: заходи, мол, садись, я сейчас.

— Но я не понял, — буркнул он в трубку, — что же это у нас фактически получится — судмедэкспертиза или эксгумация? А результаты? Комплексные исследования? Да там черт знает сколько времени пройдет! А нельзя ли побыстрее, вне очереди? Да, я понимаю. И мы тоже с подобным впервые столкнулись...

Катя оглядывала кабинет: Воронов коротал время в одиночестве, два его напарника отсутствовали. На подоконнике всюду надрывался маленький вентилятор. Толку от него в этой духоте не было никакого. На стене над вороновским столом висел красочный плакат с изображением Судьи Дредда во всем его космическом великолепии. Ниже красовался плакат поменьше, где черной тушью была написана следующая рекомендация: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый. Чтобы разумением своим не смущать начальства». И подпись: Петр I, царский указ за номером...

«Вот Никита вернется, покажет тебе «вид придурковатый», — подумала Катя беззлобно, — очень грамотные стали, оперились, птенчики».

— Почему ты в гордом одиночестве? — спросила она, когда Воронов бухнул трубку на рычаг. — А где все ваши?

— Шеф всех озадачил по Стрельне, — Воронов уныло смотрел на свои кроссовки, — там экспертиз — воз и маленькая тележка.

— Колосов лично убийством на двадцать третьем

километре занялся? — Катя задала вопрос самым равнодушным тоном. — Ну, а ты что же скучаешь?

— Я скучаю?! — Воронов обиделся так, словно его уличили в том, что он ворует варенье из буфета. — Соскучишься тут, как же. Вот она, моя бумажная могила, — он пристукнул ладонью по тонюсенькой папке на столе.

— Что-то серьезное? — рассеянно спросила Катя.

— Да... черт, люди делом заняты, а мне всю чернуху сваливают. Сиди тут, корпи, бардак этот шизоидный проясняй.

— Кто работает, Андрей, на тех обычно и навьючивают. С дурака-то какой спрос? А ты умница у нас...

— Про это я и говорю. — Воронов от похвалы сразу успокоился. — Вообще-то дело это сама Стрельня ведет. Сначала в дознание отписали, а как поглядели, какие там факты, и следствие, и розыск, и даже прокуратура подключились. Ну, а меня Никита Михайлович вроде координатора-куратора от нашего отдела поставил. Теперь с командировками на этот погост зашьюсь на все лето!

— Это в Нижне-Мячниково? — осторожно спросила Катя. — Что же это, дело не ваше, при чем же тут отдел по раскрытию убийств?

— Да шеф что-то перестраховывается. — Воронов поморщился. — Сама знаешь, у Никиты нашего фантазии порой бывают... Правда, в чем-то, возможно, он и прав. В области чудо-юдо новое объявилось. Да такое, что хоть стой, хоть падай. И такие с трупов обычно только начинают. Сегодня он с мертвяками куролесит, а завтра жди его где-нибудь на дороге у станции, потрошителя чертова.

— Потрошителя? — Катя переспросила это совершенно уже другим тоном. — Слушай, Андрюшечка, золотце... Хитрить мне с тобой не хочется. О случае на кладбище что-либо в прессу давать пока строго запрещено. Но я и не тороплюсь. Мне только не нра-

вится, что все это окутано какой-то непонятной тайной. Какие-то недомолвки. Почему?

— Почему? Потому что волновать не хотят, населению мозги будоражить раньше времени. И потом, это дело такого сорта, Катя...

— Да какого сорта-то? Что произошло на кладбище?

— Восемнадцатого июля, не далее как во вторник, прошли похороны местной жительницы. Много народа пришло проститься, у умершей большая родня и в Нижне-Мячникове, и в Стрельне. Соседи, просто знакомые — в маленьких поселках всегда так. Ну, похоронили. А девятнадцатого утром могильщик обнаружил, что могила вскрыта. Кто-то сорвал с гроба крышку, вытащил тело. Его нашли... точнее, расчлененные части его обнаружили в разных местах, некоторые даже довольно далеко от могилы.

— Мертвеца расчленили?

Воронов молча достал из папки какую-то справку, подал Кате. Она прочла текст, сначала даже не поняла, что это, а потом содрогнулась: «Множественными ударами режущего предмета вскрыта грудная клетка, разрезаны мягкие ткани груди и бедер, раздроблен тазобедренный сустав, повреждены внутренние органы, сердце, печень, кишечник...»

— Сердце ее в развилке дерева обнаружили. У соседней могилы вишня растет, ствол корявый такой... Сердце он зашвырнул туда, предварительно вырезав из трупа. На что Лина Павловна (он говорил об эксперте-криминалисте Владимировой, отработавшей почти тридцать пять лет, в областном главке ее знали все), человек железный... Так она в обморок грохнулась, когда эти художества увидела! Мне ребята из розыска стрельненского рассказывали: не кладбище, а мясная колода для разделки туш. — Воронов мрачно созерцал папку. — Фотографии должны прислать. Готовы уже. Лучше б я их не видел.

— А следы полового контакта?

— При тебе же с МОНИКИ говорил — там очередь километровая на биологическую экспертизу. Тем более такую мертвечину к ним везти...

— А что люди говорят? Кто был на похоронах? Могильщики — они ничего подозрительного не заметили? Да сам-то ты был там?

— Еще не был. Колосов мне только сегодня этот мрак отписал. В порядке шефства, так сказать. Держать под контролем на случай...

— Вы что, подозреваете, что этот потрошитель с мертвецов на живых перекинется?

— Да ты видишь, какая жара стоит? Тут у здоровых мозги плавятся, не то что у ущербника какого-нибудь озабоченного. А насчет свидетелей... Я в Стрельную звонил, ну насчет могильщиков — труба какая-то с ними. То ли в шоке они до сих пор, то ли пьяные вдрызг. В общем, дурдом. — Воронов покрутил пальцем у виска. — Ко мне сейчас брат придет, я его по телефону сюда в Москву вызвал. Пропуск уже заказал.

— Чей брат?

— Умершей. Федоров Илья. Показания нужно снять. Но все равно допросом одним не обойдешься. Придется ехать в этот бардак.

— Андрюша, а можно я тут посижу, поприсутствую на беседе, а? Это дело, ты прав, такого сорта, что... ну просто за рамки выходит! Кстати, Федорову этому сколько лет?

— Умершей сорок пять было, а это ее старший брат.

— Знаешь, мне лучше поприсутствовать на вашей беседе. Ты не против, нет?

Воронов вздохнул. Кому-кому, а Екатерине Сергеевне отказать трудно.

В дверь кабинета осторожно постучали. На пороге стоял крепкий, еще не старый лицом и телом, однако совершенно седой, точнее, даже белый как лунь мужчина. И в этой его седине было что-то такое... Катю

поразил контраст между загорелой, загрубелой кожей и этими бесцветными, мертвыми волосами старика.

— Илья Николаевич, здравствуйте, проходите, садитесь, пожалуйста. — Воронов поднялся из-за стола и как-то неловко засуетился. — Быстро же вы приехали.

— Начальник автоколонны свою машину дал, сразу, как вы только позвонили. — Федоров грузно опустился на стул.

Казалось, ни Воронов, ни свидетель не знают, с чего начать. Ситуация была совершенно необычной для рутинного опроса очевидца.

— Илья Николаевич, поверьте, мы так же, как и вы, потрясены случившимся, — вместо Воронова проникновенно начала Катя, — ничего подобного в Подмосковье прежде не случалось. Это чудовищное преступление. И тот, кто это совершил, будет наказан. Мы сделаем все, чтобы найти этого человека. Но без вашей помощи нам будет трудно.

— Да, я понимаю... Вы ж тоже на работе, на службе. Я понимаю, девушка... — Федоров глянул на них, поправил воротник рубашки, потом зачем-то вытащил из нагрудного кармана расческу. — Спрашивайте. Что смогу — помогу. Да только вот... Эх, да что теперь уж.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей сестре Анне Николаевне Сокольниковой. Где жила, кем и где работала, семейное положение. — Воронов осторожно глянул на Катю, словно спрашивал — так ли начал?

Всегда уверенный в себе и даже иногда развязный, он при этом белом как лунь мужчине, который по возрасту годился ему в отцы, отчего-то чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну, с дочкой они жили, с Веркой, племянницей моей.

Что-то почувствовала Катя в этой первой же, вроде бы нейтральной фразе Федорова о племяннице — горечь, злость, боль?

— Квартира у них однокомнатная на улице Коммунаров. Благоверный-то не претендовал, дочери оставил.

— Ваша сестра развелась с мужем? — спросила Катя. — Давно?

— Давно, Верке десять было...

— А сейчас сколько же вашей племяннице?

— Восемнадцать в августе будет. Школу в этом году кончила, десятилетку.

И снова Кате почудилось в его фразе о племяннице что-то...

— Фамилию, имя и адрес бывшего мужа вашей сестры не подкажете? — Воронов деловито придвинул лист бумаги.

— Сокольников Иван... а по бате его... да забыл, сколько годов не виделись. И адреса не знаю. Он из Стрельни в Москву подался. Вроде на хладокомбинате где-то работает.

— Он был на похоронах Анны Николаевны? — спросила Катя.

— Нет.

— Но ему сообщили?

— Верка говорила — мол, звонила отцу. Вроде не застала его.

— А кто взял на себя организацию похорон? Вы? — спросил Воронов.

— Да вся родня понемножку скинулась: я, младший наш брат Петро, дядя Кузьма и тетя Света — это двоюродные наши по отцу, потом Северьяновы — по матери родня из Стрельни самой, потом Васька Грузин с машиной помог, ну, а на поминки — соседи по дому само собой — Грызловы, Мородова Александра и...

Катя терпеливо, не перебивая, слушала длинный перечень родичей и соседей Сокольниковой. Так всегда в маленьких поселках и деревнях — родословное древо, корни, одним словом.

— И все эти люди присутствовали на похоронах? — спросила она.

— Конечно, еще больше было, многих я уж и не помню. Аню любили все. Человек она была добрый, душевный.

— А где ваша сестра работала? — спросил Воронов.

— Да в сельпо почти всю жизнь. Потом, как магазин приватизировали, Васька Грузин ее все равно оставил: честная потому что. Ни копейки никогда ни у кого. Никакого обману.

— Этот Грузин... Прозвище у него такое, а фамилия как же? — простодушно осведомилась Катя.

— Фамилия Васьки — Луков. Наш он, мячниковский. А Грузин — прозвище с войны.

— С какой? — опешил Воронов.

— Ну, с Афгана. Солнцем его там обожгло, опалило. Черный вернулся. Ну и пошло по поселку — Грузин и Грузин.

— А что же, выходит, этот Василий Луков денежный, раз магазин выкупил и вашу сестру работать оставил? — спросила Катя.

— Ну, он «афганец», с медалями, с ранениями, у них льготы... Сначала-то он на ярмарке палатку держал, потом расторгвался помаленьку. К нам переехался. Магазин-то один в поселке, выгодное место.

По настороженному взгляду Воронова Катя поняла: наконец-то до того дошел истинный смысл ее настоячивых вопросов об этом Ваське Грузине. Воронов догадался, какой именно вопрос ему сейчас предстоит задать свидетелю:

— Вот что, Илья Николаевич... не пойми нас с коллегой неправильно. Сестра ваша хороший была человек, мир ее праху, но... Не могу по долгу службы не задать такой вопрос...

— Какой? — Федоров вскинул на него глаза.

— С мужем она давно развелась, одинокая была,

значит. С мужиками-то у нее как было? С этим Луковым, например?

Федоров отреагировал на скользкий вопрос холодно, внешне спокойно:

— Ну, ходил он к ней, а что?

— Жили они вместе? Хозяйство вели совместное?

— Нет. Ходил — и все. Он моложе ее. Да и она снова хомут на шею вешать не хотела. Благоверный-то ее, Ванька Сокольников, алкаш был конченный, забулдыга.

— А еще был кто-то, кроме Лукова?

— А ты что же, сопляк, сестру мою за... держишь?

После спокойного безжизненного тона Федорова такой всплеск темперамента был точно крик души. Кате больно было смотреть на этого человека — руки его не находили себе места. Это был настоящий комок нервов, и только огромным усилием воли старался скрыть свое волнение.

— Илья Николаевич, ради бога... Сядьте, сядьте, пожалуйста. Поймите вы, никто тут не хочет копаться в грязном белье, никто не собирает сплетен о личной жизни вашей покойной сестры. Но мы должны, понимаете, обязаны это и еще многое другое спрашивать у вас. Знаете, почему должны? То, что он сотворил с вашей сестрой... Его не где-то в Москве, не где-то далеко за тридевять земель искать нужно, понимаете? Он здешний либо живет где-то поблизости. — Катя и сама не знала, отчего утверждала это с такой уверенностью. — Возможно, он был в тот день на кладбище, возможно, прежде знал вашу сестру. Может, видел ее в магазине, может, еще где-то встречал, услышал о ее смерти и... Там ведь много могил на кладбище — а он ни одной не тронул, кроме... Только вашей сестры покойной, свежую.

— Там не только ее могила свежая была. Старуху Карасеву третьего дня схоронили. И Мишка Говоров из Стрельни на мотоцикле убили. — Федоров говорил вяло. И по его осевшему, утратившему гневные

ноты тону Катя поняла, что с ним можно говорить дальше.

— Быть может, сами вы, Илья Николаевич, замечали, что кто-то из мужчин заглядывается на вашу сестру? Вы часто ее видели? — спросила она тихо.

— Да каждый день почти. Я же шофером автобуса работаю. Седьмой маршрут как раз от ярмарки в Стрельню через наши Мячники. Ну, по пути и заскочишь к Анюте, то сигарет купить, то еще за чем. Все сестре оборот торговли. А насчет заглядывался ли кто... Так она ж цельный белый день на народе была за прилавком-то! Пришел покупатель, ушел покупатель... С ярмарки едут мимо с оптовой цельными автобусами, потом дачники...

— Я вас просил фотографию ее захватить, — сказал Воронов. После окрика Федорова он присмирел.

Федоров достал из внутреннего кармана куртки бумажник. Извлек крохотную фотографию. С нее на Катю смотрела упитанная сорокалетняя женщина с ярко подведенными черными цыганскими глазами, гладко зачесанными темными волосами и маленьким, напоминающим пухлый кокетливый бантик ртом. Было даже как-то не по себе от того, что такая пышка, из тех, что «в сорок пять — ягодка опять», и уже в могиле, в сырой земле.

— Отчего она умерла? — спросила Катя.

— Сердце.

И от этого будничного ответа у Кати мурашки по спине побежали. Это ее больное сердце некто, более схожий не с человеком, а с кровавым чудовищем, прокравшись ночью на кладбище, вырвал из груди и забросил на ветки старой вишни... Боже, да что же это? Немудрено, что в Стрельненском ОВД все в шоке. Они же на место выезжали... Видели это.

— Она что, сердечница была, гипертоничка? — спросил Воронов.

— Нет, не жаловалась никогда. Даже к врачам в город почти не ездила.

— А что же тогда с ней случилось? Может, перенервничала, переволновалась?

Федоров как-то странно глянул на молодого сыщика. Снова в кабинете повисла неловкая пауза.

— Племянница ваша теперь одна осталась. Вы девочку пока к себе не заберете, ну, на первое время? — спросил Воронов.

— Нечего ей у нас делать. Она сама себе хозяйка. Больно самостоятельная. Впрочем, захочет — пускай живет. Мы с женой не против.

— Как же девочка будет жить одна? — осторожно спросила Катя. — Только школу окончила. Ни работы, ни профессии, ни семьи. Сирота.

— Ничего, не пропадет. Не беспокойтесь.

— А побеседовать с ней можно? — спросил Воронов.

— Отчего же, — Федоров криво усмехнулся. И хотя губы его змеились в ухмылке, в глазах была горечь и боль. Ухмылка и неприязнь — это все, что нашлось у него для родной племянницы. И это показалось Кате диким и неприятным.

— Тебе не показалось, Андрюша, что этот шофер словно бы винит девочку в чем-то? — спросила она Воронова, когда они остались одни в кабинете. — В смерти матери винит?

— Да это он еще тихий сейчас, — сыщик покачал головой, — мне стрельненские звонили из розыска: он же видел могилу, понимаешь? Могильщики-то, дураки, перед тем как в контору добежать, чтобы нам позвонить, кому ни попадя по дороге рассказали. А там поселок, свои люди. Пока милиция доехала, Федорову стукнули — шоферня же! Он прямо на автобусе туда. Его патруль не пускает, а он в драку с нашими-то... Его еле успокоили. Он же увидел все... Ну, домой отвезли. А он, стрельненские говорят, за ночь вот так поседел. Был шатен с проседью, а стал старик стариком. С горя, что ли? Или от потрясения? Там, Катюша, все это Нижне-Мячниково сейчас, как котел с кипятком, бурлит. Настрой у местных мужиков такой, что наших милицейских разбирательств

никто ждать не будет. А как что стукнет кому в голову, особенно если по пьянке или если на кладбище кого заловят, — башку на месте снесут. Потому и тайны тут у нас, чтобы не усугублять накал страстей, так сказать...

— Тяга к трупам как называется? Некрофилия? — Катя поежилась. — Только этого нам не хватало. Когда в Стрельню-то думаешь ехать?

— Как Колосов распорядится. Все же пока формально это не наше дело.

— Знаешь, Андрей, что я тебе скажу... Да по сравнению с этим случаем никакие убийства даже и рядом не стоят! — сказала Катя. — Так что...

Тут снова зазвонил телефон. Хмурый Воронов буркнул в трубку:

— Где-где, все на выезде... я один. Ладно, сейчас зайду.

Катя поднялась, и они вместе вышли в коридор. Попрошавшись с ней, Воронов пошел в секретариат — звонили оттуда, просили забрать почту и пришедшие на имя Колосова бумаги из экспертно-криминалистического управления.

Андрей расписался в получении каких-то «предварительных результатов», каких — даже не взглянул, не имел привычки копаться в чужих документах. Катя тоже не поинтересовалась, что это. Она все еще была под впечатлением беседы с Федоровым. Она и не подозревала, началом каких событий станет эта новость из ЭКУ, запечатанная во вместительный гербовый, такой официальный пакет.

Глава 5

ОПЕРАЦИЯ «ПОЛИГОН»

На эти документы, положенные кем-то из сотрудников ему на стол, Колосов поначалу тогда не обратил внимания. Утро он провел на совещании в ми-

нистерстве и, вернувшись в главк, все еще душой был там, в той разреженной атмосфере больших баталей, где с начальственной трибуны летели в переполненный зал грозные окрики высокого и высочайшего начальства: усилить, активизировать, взять под контроль, стабилизировать, приступить к оперативной разработке, задокументировать, ликвидировать выявленные недостатки и упущения. А тем временем негласно в самом воздухе высокого собрания витали совсем иные настроения, грезы, мечты, идеи, надежды, чаяния: кого сняли, за что? Кого назначили, вместо кого? Кого вышибли на пенсию? Кого повысили в звании, кого выдвинули на открывшуюся вакансию?

Короче, всей этой бюрократической суетой привычный ритм работы был малость нарушен. Слава богу, что совещание в министерствах случаются не каждый день.

Бумагами Колосов занялся лишь после того, как созвонился с районами, в свою очередь обрушив на собственных подчиненных град указаний и ЦУ: поднажать, активизировать, взять под контроль. Первым в стопке документов шли предварительные результаты пожарно-технических исследований сгоревшего на двадцать третьем километре автомобиля и анализ горюче-смазочных веществ.

Эксперт подробно описывал факты, сводя их к единственной, по его мнению, причине возгорания — поджогу. Однако ответ на вопрос о примерном времени начала загорания — то, что больше всего интересовало Колосова, экспертом дан так и не был. Далее он ознакомился с предварительными выводами баллистиков, сопровождая чтение их справок раздраженно-недоуменным хихиканьем. Пули, извлеченные экспертом Грачкиным из черепа убитого водителя, действительно принадлежали пистолету «ТТ». Но эксперт обращал внимание и на отсутствие некоторых обычных признаков, характерных для этой марки оружия. Словом, вывод, который с трудом усек

Колосов из туманных фраз баллиста, был следующим: пули от «ТТ», но точно сказать, что стреляли именно из него... Одним словом, ищите пушку, друзья-сыщики, тогда я уж сделаю вам точное заключение, комар носа не подточит.

Информация из ГИБДД, куда направили соответствующий запрос о владельце «Ауди», была еще суше и скуднее: в банке данных угнанного автотранспорта (в розыске называли сей банк «терпила») не числится. Зарегистрирована с августа 1996 года на имя гражданина Петухова, но в декабре того же года снята с регистрации, и номер аннулирован.

«Интересно, — подумал Колосов, — что это еще за бухгалтерия у них дорожная? Снят, аннулирован...»

Осталась одна последняя справка, короткая, и вот тут-то внезапно... Никита лениво пробежал ее глазами, и вдруг всю его апатию как ветром сдуло. Грохнув дверью кабинета, в которую из коридора ломился упругий сквозняк, он ринулся в соседний отдел. Там в гордом одиночестве несло службу за компьютером белокурое хрупкое создание в виде старшего оперуполномоченного Светланы Климовой.

— Светик, сто пудов, я думал, вы все в Можайске сегодня...

— Меня на хозяйстве оставили, — Климова не отрывалась от своего компьютера. В душе она была истый хакер. — Что, как всегда, срочно?

— Как всегда, — Колосов лучезарно улыбнулся (точнее, это ему так показалось, что лучезарно). — Волосы у тебя чудо какие, ну чистый янтарь, давно хотел сказать тебе...

— Не подлизывайтесь. Выходные данные? — она нажала нужную клавишу, компьютер выжидательно светился.

Колосов заглянул в справку:

— Аркадий Севастьянов, уроженец Новороссийска, 1962 года рождения, ранее судим в 1994 году Мособлсудом по статье... в общем, гранаты-пулеметы, не-

законный оборот оружия. Приговор обжалован, новое судебное рассмотрение, оставлен в силе, приговор — четыре года лишения свободы с отбытием в... Из ЭКУ мне пришло, — он даже до разъяснений снизошел, — погибшего с двадцать третьего километра по дактилоскопии прокрутили. И поди ж ты, наш бывший клиент оказался!

Климова запросила базу данных. На экране рядом с фамилией Севастьянов появились несколько ключевых слов, весьма любопытных на взгляд непосвященного: «Аммонит», «Операция «Полигон» и «Консультантов-Клиника».

— Ах, чтоб тебя, фраер ты ушастый... — последнее компьютерное откровение, видно, привело начальника отдела убийств в состояние эйфорического восхищения. — Светик, да ты просто волшебница.

— Распечатку сделать? — невозмутимо осведомилась волшебница.

Разжившись распечаткой, Никита вернулся к себе. Прочел текст и... Дела он этого прежде не знал и не помнил, потому что отдел убийств областного главка им не занимался. Вся эта история, случившаяся более пяти лет назад, была в компетенции РУБОПа и только затем уже перекочевала в архивы Мособлсуда в виде копии приговора, вынесенного по делу, и в банк данных УУР в виде накоплений оперативной информации, оставшейся за рамками судебного разбирательства.

И в принципе, как сразу же показалось Колосову, из сведений, полученных сейчас на этого жмурика, личность которого на удивление быстро установили эксперты с Варшавского шоссе, уже вполне можно было слепить весьма связную и правдоподобную версию того, что же могло произойти ночью на этом двадцать третьем километре.

Никита был даже как-то разочарован таким скоропалительным и гладким раскладом. Сначала все представлялось так мрачно-загадочно: не поддав-